

А ВЫ ТОЧНО — СОЦИОЛОГИ?

Нетолерантные истории о становлении
социологии в регионах России

Коллектив авторов

**А вы точно – социологи?
Нетолерантные истории о
становлении социологии
в регионах России**

«Издательство «Перо»

2022

УДК 316
ББК 60.5

Коллектив авторов

А вы точно – социологи? Нетолерантные истории о становлении социологии в регионах России / Коллектив авторов —
«Издательство «Перо», 2022

ISBN 978-5-00204-388-0

В сборнике представлены истории, подготовленные руководителями и сотрудниками исследовательских компаний, входящих в Ассоциацию «Группа 7/89» и работающих на рынке социологических и маркетинговых исследований в регионах России. Веселые и грустные, смешные и страшноватые, эти зарисовки дают возможность составить достаточно полное представление о том, как возникла исследовательская отрасль в конце прошлого века, чем сегодня живут социологи-прикладники, какова специфика их работы. Сборник адресован коллегам-исследователям, преподавателям, студентам социологических специальностей, всем, кто интересуется социологией и маркетингом. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 316

ББК 60.5

ISBN 978-5-00204-388-0

© Коллектив авторов, 2022
© «Издательство «Перо», 2022

Содержание

Благодарности	6
К читателю	7
От составителя	8
От одного из авторов	9
От литературного редактора	11
Раздел 1. В начале было...	12
1.1. Как я стала социологом	13
1.2. Введение в специальность	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

А вы точно – социологи?

Нетолерантные истории о становлении социологии в регионах России

Редактор-составитель Романович А. Л.

© Ассоциация исследовательских компаний «Группа 7/89», 2022

© Авторы, 2022

© Акульшин М. В., иллюстрации, 2022

Рецензенты:

кафедра истории, культуры и социологии Волгоградского государственного технического университета (заведующая кафедрой доктор педагогических наук, профессор Петрунева Р. М.), г. Волгоград;

А. А. *Ослон*, кандидат технических наук, Президент Фонда «Общественное мнение», г. Москва;

М. В. *Певная*, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Социология и технологии ГМУ» Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Редколлегия:

А. Л. *Романович*, исполнительный директор ИОМ «Квалитас», г. Воронеж (редактор-составитель);

В. В. *Токарев*, кандидат технических наук, доцент, директор ООО «Южный исследовательский центр», г. Волгоград;

Н. В. *Дулина*, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии Волгоградского государственного университета, г. Волгоград;

М. В. *Акульшин*, генеральный директор ООО «Системы информации и связи», г. Санкт-Петербург (отв. за оформление);

Е. Д. *Куриленок*, г. Воронеж (литературный редактор).

* * *

Члены Ассоциации исследовательских компаний «Группа 7/89» посвящают эту книгу памяти своего товарища и коллеги, советского и российского социолога Анатолия Валентиновича Стожарова, создателя одной из самых первых и одной из самых северных исследовательских компаний в России.

Анатолий Стожаров – один из основателей Ассоциации «Группа 7/89».

Светлая память нашему другу, замечательному человеку и талантливому ученому!

Благодарности

Ассоциация исследовательских компаний «Группа 7/89» выражает искреннюю признательность компаниям, оказавшим финансовую и организационную помощь в подготовке и издании этой книги.

В финансировании проекта, помимо самой Ассоциации «Группа 7/89», приняли участие 16 компаний, разбросанных по всей России – от Владивостока до Калининграда. Именно в этом порядке (с востока на запад, по движению Солнца) они перечислены ниже:

ООО «Дальневосточный Маркетинговый Центр “Мониторинг”», г. Владивосток;

ООО «ОМ-К», г. Красноярск;

МИГ «Маркис» (ООО «Золотая середина Барнаул»), г. Барнаул;

ООО «Центр маркетинговых исследований “Инфоскан”», г. Новосибирск;

ООО «Агентство исследований и разработок», г. Казань;

Лаборатория С.М.И.Т. (ООО «Смит»), г. Ижевск;

«Крепкий колхоз» (Фонд «Общественное мнение – Татарстан», г. Казань;

ООО «Олимп, г. Пенза;

ООО «ПСЦИ “Перспектива”», г. Ульяновск);

ООО «Южный исследовательский центр», г. Волгоград;

ООО «Центр социологических и маркетинговых исследований “Аналитик”», г. Волгоград;

Агентство маркетинговых коммуникаций «Регион-СК» (ИП Кузьмина О. А.), г. Ставрополь;

ООО «Институт общественного мнения Квалитас», г. Воронеж;

Фонд «Общественное мнение», г. Москва;

Маркетинговое агентство Zalessky (ИП Залесская М. В.), г. Москва;

ООО «Калининградский Социологический Центр», г. Калининград.

Огромное спасибо, дорогие друзья и коллеги! Без вашей помощи и поддержки завершение этой большой (и, на наш взгляд, важной) работы было бы невозможно.

К читателю

Эта книга – результат многомесячного и мучительного (но все равно – радостного) труда многих хороших и разных людей. Автором идеи и основной движущей силой проекта стал А. Л. Романович. Организационную и финансовую поддержку изданию оказали профессиональные ассоциации и отдельные исследовательские компании (все они перечислены на с. 5). Истории из своей жизни предоставили (кто-то по доброй воле, кто-то в результате «давления на глаза» со стороны организаторов проекта) руководители и сотрудники компаний, входящих в Ассоциацию «Группа 7/89». Не так-то просто все было.

В процессе работы над книгой, нам пришлось решать огромное число задач. Как содержательных, так и технических. Что можно писать, а что – нет? Кого следует упоминать, а кого не стоит? Какие термины нужно объяснять, а какие – и так всем понятны? Ну вот, в тексте истории упоминается, допустим, метод PAPI или проект R-TGI. Для любого, кто «в рынке», никаких комментариев не требуется – каждому понятно, что PAPI – это когда опрашивают с бумажной анкетой и ручкой, а R-TGI – это «Российский индекс целевых групп», проект, который много лет «выматывал кишки» десяткам, если не сотням региональных исследователей (он упоминается, например, в историях 4.16 и 5.12, см. с. 161 и с. 195).

Но мы же пишем не только для себя. Есть молодежь, которая этого PAPI в глаза не видела и думает, что ничего кроме Google-форм и онлайн-панелей в природе не существует. Есть наши жены-мужья-подруги-дети, которым наша жизнь интересна, но тонкости технологии они знать не обязаны. Есть студенты, которые думают, что социология – это только Макс Вебер и Георг Зиммель (а также, возможно, Александр Филиппов и Григорий Юдин), но ни в коем случае не Валерий Федоров и Александр Ослон (и уж, безусловно, не Владимир Звоновский и Анна Булгакова).

Наверное, для этих людей мы пишем тоже. Поэтому так и будем писать – по возможности подробно, комментируя то, что может быть непонятно или ложно понято.

Нам кажется, что издание этой книги – это не конец. Это начало. «Социология социологии» – это тоже социология. Социология профессии, теория среднего уровня. Такая же, например, как «астросоциология» или «социология образования». И мы в этом поле работаем. Как можем.

«Никто пути пройденного у нас не отберет». Что сделано, то сделано. С Богом!

От составителя

Как родилась сумасбродная идея этого сборника? Что натолкнуло меня на мысль собрать воедино столь разноплановые истории столь разных авторов?

Извольте, объясню.

Ноги (или что там?) этой идеи выросли из включенных наблюдений. Мы-то с вами, братья-социологи, знаем, что стоит собраться хотя бы трем представителям исследовательской индустрии – и не важно, где: в курилке, в бане или на природе под шашлычок, – как мощный поток забавных историй становится невозможно остановить.

Только если хорошим тостом – и то на время.

А уж если вам посчастливилось оказаться после мероприятия Ассоциации «Группа 7/89» на каком-нибудь «афтерпати» – скажем, в гостиничном номере, куда набилось несколько десятков друзей и коллег – то надо обладать недюжинным голосом и напором, чтобы вклиниться в разговор, перекричав все эти: «А вот у меня был случай», «Дайте, дайте я расскажу одну историю!» и взрывы неконтролируемого хохота.

Вот мне и подумалось: какое богатство забавных историй, неожиданных сюжетов, нетривиальных ходов просто пропадет и забудется, если не зафиксировать их на бумаге!

Когда-то в журнале «Крокодил» была сверхпопулярная рубрика «Нарочно не придумаешь». В свое время она пользовалась неизменным успехом у читателей. Так вот: считайте эту книгу профессионально ориентированной реинкарнацией той рубрики.

По счастью, идея была с восторгом принята коллегами, членами нашей Ассоциации.

Как это все воплощалось – отдельная песня, которую я вам пропою ближе к концу этого сборника.

Ну, а что получилось – судить тебе, дорогой читатель.

Александр Романович, ИОМ «Квалитас» (Воронеж)

От одного из авторов

Когда нам «нарезали задач», связанных с подготовкой историй для публикации «Сборника историй», они (задачи то есть) показались мне (ТБВ), в общем, элементарными, легкими, немудрящими. А чего там? Работаем давно, историй всяких происходило множество. Отчего бы их не записать?

Но затем, в процессе размышления о том, что и как писать (и попыток это сделать), стали возникать разные проблемы. Ну вот, скажем, некоторые из них:

1. Во многих случаях истории неотделимы от их персонажей. Ну, невозможно рассказать историю, в которой участвовал, допустим, Сергей Проценко, не упоминая Сергея Проценко. А как его упоминать, когда вопрос с ним не согласован? А без него история разваливается. Как можно пересказать «Танец с саблями» Михаила Веллера¹, не упоминая Сальвадора Дали и Арама Хачатуряна? Я бы не смог. Однако одно дело – рассказать какую-то байку с участием, допустим, Алексея Макарова или Михаила Тарусина за столом, в кругу друзей, и совсем другое – вытащить ее напоказ «неограниченному кругу лиц». Хотелось бы избежать возможных обид и иных последствий.

2. То же самое и с проектами-клиентами. Конкретные байки «встроены» в проекты, проекты принадлежат клиентам. В очень многих случаях клиентов и их проекты мы разглашать не имеем права. Как рассказать байку про проект по тестированию подгузников «Памперс», не упоминая ни «Памперс», ни подгузники? У меня такое не очень получается.

3. Сам я уже довольно давно в поля не хожу и наблюдаю за ними несколько со стороны. Мои собственные истории – как минимум десятилетней давности. А барышни наши, с которыми сейчас эти истории происходят, записывать их не очень хотят. Хотя рассказать под хорошее настроение готовы. Я попытался записать их истории (рассказанные ими), – получается плохо. Нужно ситуацию чувствовать изнутри, а не просто о ней знать / слышать. Иначе получается пресно, скучно и вообще неправда.

В общем, писать абсолютно не хочется, писать лень, писать почти невозможно, да и, с моей точки зрения, – незачем.

Однако без баек нас не отпустят. Поэтому что-то делать нужно. Нужно писать. Что получится – то и получится.

Но прежде, чем начать излагать собственно байки – несколько дисклеймеров:

1. Абсолютное большинство приведенных ниже историй произошло много лет назад. В первое поле я вышел, по-моему, году в 1993-м, с первой для себя исследовательской организацией познакомился в 1998-м. Вот после этого, в общем, все и началось.

2. Практически все истории связаны с «традиционным полем» (РАPI²). Конечно, всякие Big Data³ и САWИ⁴ – это прекрасно с точки зрения технологий. Но с точки зрения «плотности ткани жизни» едва ли они сравнятся с опытом маршрутного опроса в астраханском селе Икря-

¹ «Танец с саблями» – рассказ Михаила Веллера, включенный в сборник «Легенды Невского проспекта». Настоятельно советуем почитать, если не читали, – и рассказ, и сборник целиком.

² РАPI (Paper Assisted Personal Interview или Paper and Pencil Interview) – «традиционный» метод сбора первичной социальной и маркетинговой информации, при котором используется «бумажная» анкета или бланк интервью.

³ Big Data – огромные, не сопоставимые по размеру с результатами «традиционных» социологических и маркетинговых исследований массивы данных, возникающие в результате работы автоматизированных систем (биллинговых, геолокационных и т. д.).

⁴ САWИ (Computer Assisted Web Interview) метод сбора первичной социальной и маркетинговой информации, при котором используется компьютер, подключенный к сети Internet, и результаты в реальном времени вводятся в общую (для всех участников исследования) базу данных.

ное в пору, когда еще в Волге оставалась «рыба»⁵, а в ней (в «рыбе», то есть) была икра. Джеймс Хэрриотт⁶ писал о работе ветеринара: «...наша профессия во многом утратила ее <увлекательность> с появлением множества новых медикаментов и способов лечения. В ветеринарной практике всегда отыщется что-нибудь забавное, потому что животные непредсказуемы и нередко ставят своих врачей в дурацкое положение, но все же не так, как в былые дни черной магии, редкостных и в основном бесполезных снадобий, от которых попахивало знахарством. Они канули в вечность, и хотя я радуюсь их исчезновению как ветеринар, как писатель я его оплакиваю». Примерно так же и с нашей профессией.

3. Хотя все истории «основаны на реальных событиях», считать их «документальными» – большая натяжка. Это не протоколы наблюдений, а воспоминания, зачастую записанные через много лет после того, как события произошли. И в реальном-то времени участники событий «врут как очевидцы», а уж через 10 лет – тем более.

4. Во всех случаях, когда история «инвариантна к участникам» (имена участников роли не играют), мы будем эти имена скрывать. В тех случаях, когда личность героя играет роль, мы будем вынуждены указать ее «как есть». Во-первых, потому что без этого история развалится. А во-вторых, потому что страна и профессиональное сообщество должны знать своих героев.

Ну, вперед!

*Василий Токарев, «Южный исследовательский центр» / ЦСМИ
«Аналитик» (Волгоград)*

⁵ Термином «рыба» на Нижней Волге, как несложно догадаться, в те времена (лет 30–40 назад) определялись не шуки-караси, а исключительно осетровые (собственно осетр, белуга, севрюга, стерлядь), которых сейчас в Волге практически не осталось.

⁶ Джеймс Хэрриотт – английский ветеринар и писатель, автор книг о работе ветеринара в сельской глубинке Йоркшира в 30-50-х годах прошлого века. Цитата приводится по изданию «Из воспоминаний сельского ветеринара» (перевод Ирины Гуровой).

От литературного редактора

Вы спросите, а почему байки-то «нетолерантные»? Немодно это и опасно по нынешним временам... Но перед нами не стояло задачи угодить конъюнктуре книжного рынка и выпустить книжку, приятную во всех отношениях.

Перед нами стояла задача зафиксировать процесс становления социологии как полевой науки на территории постперестроечной России. Становления, роста и превращения в одну из самых наукоемких, профессиональных, человеко-ориентированных и честных наук.

В нашем контексте «нетолерантные» – значит живые, честные, без ханжества и желания кому бы то ни было угодить. А понравится это стороннему читателю или нет – дело второе.

История не терпит подтасовок.

Евгения Куриленок, литературный редактор (Воронеж)

Раздел 1. В начале было...

Так получилось, что значительная часть авторов этих новелл попала в профессиональную прикладную социологию почти случайно. Среди нас есть инженеры (самые разные – от электромехаников до экологов), физики (даже двое), экономисты, педагоги, врачи, военные, много кто еще. Хотя есть, конечно, и маркетологи, и преподаватели социологии.

Кто-то из нас стал социологом по второму-третьему-четвертому образованию, кто-то защитил кандидатскую или докторскую, а кто-то так и остался, с академической точки зрения, «рядовым необученным».

Но все мы, так или иначе, правдами или неправдами оказались «в одно время в одном месте», в общей для нас профессиональной среде. Оказались по разным и, подчас, весьма экстравагантным причинам.

В первом разделе мы приводим несколько историй о том, «откуда есть пошла»... ну... не «российская социология», конечно, но, по крайней мере, откуда пошел современный региональный рынок социологических и маркетинговых исследований.

1.1. Как я стала социологом

Нелли Романович, ИОМ «Квалитас» (Воронеж)

Моя дорога в социологию началась с того, что я влюбилась в философию, будучи студенткой инженерно-технического вуза. Сам предмет в сочетании с талантливым преподавателем произвел впечатление неизгладимое. Помню фамилию преподавателя – Королев. Его лекции собирали всех: здесь мы встречали студентов нашего факультета, которых не видели на прочих лекциях; сюда приходили студенты других факультетов. Походы на лекции по философии были неизмеримо интереснее, чем походы в кино, в театр или на концерт. На занятиях возникало ощущение счастья и эстетического наслаждения от красоты и глубины человеческой мысли, формировалось твердое желание быть к этому предмету причастной. С изумлением открыла для себя, что есть такая специальность – философ.

Инженерная пневмония

Тогда мы с подругой, которая была со мной солидарна, решили забрать документы из института и пойти искать по свету, где могут научить такой специальности. Подошли к преподавателю философии – спросить, куда пойти учиться. Оказывается, он закончил философский факультет МГУ. Он стоял в коридоре института и орал так, что студенты оборачивались: «Дуры! Какие вы дуры! Зачем бросать институт?! Доведите до конца, закончите хотя бы одно образование! Потом, если захотите, можно будет получить второе». Советский закон тогда еще позволял получить второе образование бесплатно. Его эмоциональный напор поколебал наши намерения, мы забрали из ректората заявления, в которых просили вернуть нам документы, и продолжили учебу.

На самом деле, интуиция тогда нас не обманула. Мы нащупали свою дорогу. Не только я, но и подруга, спустя многие годы, тоже сменила свою специальность. Она стала доктором философских наук, в настоящее время является проректором Воронежского государственного архитектурно-строительного университета (бывшего ВИСИ, Воронежского инженерно-строительного института). Но путь к заветной цели у каждой из нас был долгим и не простым.

После окончания Воронежского инженерно-строительного института (ВИСИ) мы (я и подруга) устроились работать по специальности. Это не была наша заслуга, это не наше желание, это была просто разнарядка. Каждый специалист после окончания вуза обязан был «оттрубить» два года на предприятии соответствующего профиля. Такие были законы в то время. Поэтому проблем с трудоустройством молодых специалистов просто не возникало. Я закончила вуз (ВИСИ) в 1982 году, получила диплом по специальности «теплогазоснабжение и вентиляция» и пошла работать инженером-проектировщиком в Научно-исследовательский институт «Кузмаш». Чем я занималась? С утра до вечера делала чертежи вентиляционных и отопительных систем (газовых – не доводилось).

Помню ощущение ожидания звонка окончания работы в НИИ «Кузмаш» (там начинали и заканчивали работать по звонку), когда я за чертежами то и дело смотрела на часы – сколько еще осталось до конца работы. Нелюбовь к своей работе человека разлагает, сначала чувствуешь, что что-то не в порядке в душе, а потом этот беспорядок отражается и в теле. Меня мучило ощущение потери смысла жизни, как будто я заблудилась и не знаю, куда идти. И я заболела просто, без всяких видимых причин, двусторонним воспалением легких. Странно, но антибиотики на меня не действовали даже тогда, когда в больнице на мне перепробовали весь современный арсенал. И тогда я себе дала обещание, что сделаю все, чтобы как-то связать свою жизнь с философией и поменять работу. На следующий день после трех недель горячки у меня была впервые нормальная температура. Задача найти любимую работу для меня стала делом жизни и смерти.

После выздоровления я принялась осуществлять задуманное. Как-то взяла отгул, поехала в МГУ, пришла на факультет философии, чтобы узнать, что нужно для поступления туда. Мне сказали, что нужно разрешение от райкома комсомола, горкома партии (партия тогда была одна – коммунистическая) и направление от предприятия. Это только, чтобы подать документы на философский факультет. А потом ждали экзамены, но для меня это было уже проще – все философские работы в местной библиотеке были зачитаны-перечитаны. В комитете комсомола со мной провели собеседование, и выдали требуемое разрешение. Труднее было получить разрешение от горкома партии – там устроили настоящий экзамен по ленинским работам, но, в конце концов, я и от них получила разрешение.

С непреодолимыми трудностями я столкнулась, когда дошла очередь до направления с предприятия. Когда я пришла с этим вопросом к директору НИИ «Кузмаш», он чуть не поперхнулся.

– Ну представьте себе, – говорил он мне, – вот я вам выдам справку, что мне в отдел вентиляции и теплоснабжения нужны философы! Да надо мною будут смеяться все мои коллеги! Мне потом проходу не дадут... Вы хотите, чтобы надо мной все издевались?!

Я, конечно, этого не хотела. Вернее, я хотела совсем не этого. Поэтому я уволилась из НИИ «Кузмаш» и пошла работать инженером Государственного проектного института «Проектпромвентиляция» в надежде, что у нового директора окажется меньше ехидных коллег.

Как ни странно, переход в «Проектпромвентиляцию» в итоге предопределил мою социологическую стезю, где я нашла любимую работу. Хотя все произошло вовсе не так, как я изначально планировала. Вообще, я думаю, что на земле нет такой цели, достижение которой было бы для человека невозможным. И не потому, что человек всемогущ. А потому, что, когда у человека есть цель и есть решимость ее достичь, мир вокруг него меняется, как бы подстраивается под него. Как только человек начинает делать первые шаги в сторону осуществления этой цели, судьба расстилает ему зеленую ковровую дорожку под ноги. Лишь бы была цель и была решимость. Это необходимое и достаточное условие. Собственно, наличие цели есть необходимое условие для жизни человека вообще. Без цели человек рассыпается, разлагается...

Между философией и психологией

Приближало меня к цели стечение, казалось бы, случайных обстоятельств. Не прошло и полугодия после моего перехода в «Проектпромвентиляцию», как нас (троих сотрудников, включая меня) отправили в командировку в Новороссийск. Там, набегавшись по пыльным и душным цехам за день, мы после работы стремились на пляж, благо наша гостиница была у самого Черного моря, а на улице пылала июльская жара. Молодые люди на пляже частенько останавливались, пытаясь завязать со мной знакомство, но вскоре уходили ввиду бесперспективности своих попыток. И когда на край соседнего лежака присел молодой человек, ситуация не предвещала ничего неожиданного. После того, как он сказал, что тоже приехал в Новороссийск из Воронежа, я поинтересовалась, кем он работает. «Философом», – ответил он без всякого энтузиазма. Меня приподняло на лежаке: «Кем?!» «Преподаю философию в воронежском вузе, – он с удивлением развел руками, видя явную перемену в моих глазах, – Вот уж не думал, что это может зацепить девушку». Мы разговорились, и я ему рассказала, что хотела бы сменить работу. Он посерьезнел:

– А вот, кстати, перед моим отъездом к нам на кафедру звонил преподаватель из сельскохозяйственного университета, он искал желающих пойти к нему в социологическую лабораторию. Его фамилия – Хайкин. А вот у меня даже в записной книжке есть его телефон. Сергей Романович – так его зовут.

– А что такое социология? – спросила я.

– Ну, это что-то среднее между философией и психологией, – ответил он, немного поразмыслив.

Это объяснение меня устроило. Так у меня оказался заветный телефон Сергея Романовича Хайкина, которому я тут же позвонила, как только вернулась из командировки. Шансов попасть к нему на работу у меня не было, поскольку не было соответствующего образования. Я это понимала, поэтому подготовилась основательно: исписала всю «общую» тетрадку (так назывались тетрадки размером в 40 страниц в советское время) текстом со своими размышлениями на тему советского строя и образа жизни, вдохновленная известной статьей Александра Ципко⁷, которая как раз накануне вышла. Шел 1988 год.

⁷ Речь идет о статье философа А. Ципко «Истоки сталинизма», опубликованной в 1988 году в журнале «Наука и жизнь» (см., например: <https://marquis-the-cat.livejournal.com/153414.html>).

Проба пера

Сергей Романович неохотно согласился на встречу со мной и, скептически пролистав «общую» тетрадь, назвал это бредом. На работу он меня не взял, но сбрасывать со счетов тоже не стал, а предложил мне поучаствовать в социологических исследованиях в качестве интервьюера (как раз тогда комитет комсомола проводил опросы рабочих Воронежского авиационного завода). Исследование называлось «Основные направления и факторы повышения эффективности работы комсомольской организации ВАПО». Альтернативы ответов из каждой анкеты я выписывала в тетрадку, а потом вручную считала «среднее». Эта тетрадка у меня сохранилась, любопытно сейчас читать ответы на открытые вопросы рабочих из разных цехов: «Каждому рабочему – ЭВМ», «Сократить ненужные бюрократические штаты, а остальным повысить зарплату», «Соблюдать нормы загазованности, освещенности и шума на деле», «Больше гласности в распределении премий и профсоюзных благ», «Ликвидировать сельхозработы и использование людей на посторонних работах, не соответствующих профессии и квалификации», «Уменьшить физический труд, повысить уровень механизации, организовать производство на научной основе», «Заинтересовать каждого в конечном результате, быстрее сделал – быстрее ушел», «Больше производственной эстетики», «Избавиться от формализма и показухи в подведении итогов», «Соцсоревнование не оправдало себя, это фикция», «Заменить так называемые соцсоревнования хоздоговором и конкуренцией», «Не зажимать талантливую молодежь, больше доверять молодежи, давать ей дорогу» и т. п. А инженеры просили: «Обеспечить исправность кульманов, наличие элементарных приспособлений и устройств: хорошие готовальни, резинки, рапидографы», «Заменить деревянные карандаши на цанговые» и тоже: «Не отвлекать людей на посторонние работы в колхозах, на базах, комбинатах общественного питания, в больницах».

Тогда такие ответы казались естественными, а сегодня многим будет непонятно, с какой стати инженера сорвали с работы и послали в колхоз собирать картошку или на овощную базу перебирать гнилую капусту. Из этого следует, что свобода работников была ограничена. Но ограничена она была все же делами, направленными на общее благо. Да, они были недовольны этим, но считали, что в принципе это допустимо, потому что чувствовали себя одним обществом, одной страной, где каждый работает на всех. Замена этой установки на противоположную: «каждый работает только на себя» – произойдет чуть позже.

С удивлением обнаруживаю, читая записи ответов советских респондентов, что работа общественных лекторов в рабочей среде была востребована. Рабочие высказывают свои пожелания: «проводить больше интересных лекций», «больше выступать с лекциями и докладами самой администрации», «повысить профессионализм лекторов», «искать новые формы обучения с применением видеотехники», «как можно чаще проводить комсомольские собрания», «проводить политинформации»... Одновременно звучала и критика: «сделать агитацию не навязчивой», «идейно-воспитательные работы должны проводить идейно-воспитанные люди», «повысить требовательность к тематике и формам проведения идейно-воспитательных работ», «больше правды, меньше воды», «вернуться к ленинским принципам»... Конечно, кто-то выступал против: «идейно-воспитательная работа не нужна», «у меня нет на эту работу ни времени, ни желания», – но противников было вовсе не 100 % и даже не 50 %, а где-то меньше 10 %. Это был один из первых социологических опросов в Воронеже, в глазах респондентов читалась благодарность, что их мнением интересуются, они не уходили от ответов, отвечали откровенно – это было видно.

Еще сегодня может удивить их потребность в общении во вне рабочее время: «развивать на предприятии туризм», «организовывать выезды на природу со спортивно-массовыми мероприятиями», «увеличить количество кружков, заменить «бумажную работу» на конкретную»,

«чаще устраивать хорошо организованные вечера отдыха, диспуты, дискотеки, концерты художественной самодеятельности», «проводить культпоходы»... Иными словами, чувство солидарности со своим заводом им было не чуждо. И они действительно пытались по-хозяйски дать те советы, которые бы повысили градус преданности работников своему предприятию, улучшили атмосферу, упрочили мотивацию к труду, что, в конечном счете, по замыслу организаторов опроса, должно было привести к повышению производительности труда. Они именно «болели» за свое предприятие. Такое настроение сейчас выветрилось из рабочих цехов.

В результате я опросила 173 человека из 10 цехов завода. Анкета была минут на 40. Представление о том, что интервьюер – это тот, кто только заполняет анкету, тогда еще не сложилось, поэтому от интервьюеров требовалось посчитать все закрытые вопросы вручную (компьютеров тогда еще не было) и обработать, скомпоновать, проранжировать для отчета все открытые вопросы. Я все это проделала и, получив отличную рекомендацию от организаторов опроса, вернулась к С. Р. Хайкину с вопросом: «Что мне делать дальше?».

Открытие vs создание

А дальше произошло чудо. Я стала социологом, о чем красноречиво свидетельствовала моя трудовая книжка. Вот как это было. Сергей Романович задумал открыть социологический отдел при филиале «Росагропрома». Свое решение он обосновал следующим доводом: «В советской стране открыть что-то очень трудно. Ну а закрыть – практически невозможно. Поэтому, если удастся открыть отдел, то маловероятно, что его кто-нибудь закроет». Сейчас поймала себя на мысли: почему «открыть», а не «создать»? Но в советское время говорили именно «открыть». Это в постсоветское время стали говорить «создать предприятие». Наверное, сами слова стояли на страже стабильности советского строя. Ведь, когда говорим, что что-то надо «открыть», предполагаем, что это что-то уже существует, поэтому принципиально в социальной реальности ничего не изменится. А если говорим «создать» (как бы из ничего), то это уже явное потрясение для социальной реальности.

Открыть отдел на волне перестройки Сергею Романовичу удалось в июле 1989 года. Он, как начальник отдела, пригласил на работу меня и еще одного выпускника Воронежского государственного университета (нам сверху «спустили» три ставки). Я без колебаний рассталась, к некоторому недоумению родных, со своей «непыльной» работой инженера в «Проектпром-вентиляции» и шагнула в неизвестность. В моей трудовой книжке появилась новая запись: «Социолог социологического отдела Воронежского филиала Научно-исследовательского центра “Росагропром”». Я была счастлива. Понимала, что это счастье незаслуженное, потому что я ничем не могла подтвердить звание социолога – ни образованием, ни опытом работы. Поэтому, вольно или невольно, передо мной встала задача доказать это право – называться социологом.

Каждое проведенное нами социологическое исследование становилось для нас своеобразным тестом на соответствие заявленной специальности. Каждый проект становился новой ступенью к сияющей вершине нашей профессии. Первый заказ нам дал сам «Росагропром», который интересовало отношение сельских жителей к внедрению арендного подряда. В то время газеты пестрели заголовками типа: «На арендный подряд – все отрасли», «Всем совхозом – на арендный подряд», «Широко внедрим арендный подряд в систему внутривладельческих отношений»... Страна испытывала явные трудности с продовольственным обеспечением, и необходимость коренных перемен в системе сельскохозяйственного производства была очевидной. Арендный подряд советским теоретикам представлялся выходом из положения, условием возвращения колхозникам «чувства хозяина». Но уже пришло понимание, что необходим взгляд на эту проблему «изнутри», т. е. глазами сельских жителей, которым выпало осуществлять намеченные преобразования. Иначе опять придется иметь дело с «черным ящиком»: отлакированной теорией поверхностью и непредсказуемым содержанием. Поскольку исследование

попытки внедрения арендного подряда – это не только часть моей биографии, но и страница биографии нашей страны, то я расскажу об этом подробнее.

«Арендный подряд – кратчайший путь к продовольственному достатку», – убеждал меня свежий плакат при въезде в один из районов Воронежской области, куда я отправилась проводить социологическое исследование. Хотелось в это верить, тем паче, что очень убедительны были авторы книг и статей на эту тему, которые я две недели штудировала перед отъездом. Задание у меня было сравнимо с подвигом Геракла. Мне нужно было опросить 2000 человек, в том числе рядовых «тружеников села», руководителей хозяйств, агрономов и других специалистов, арендаторов и неарендаторов, а также взять несколько экспертных интервью у «новоиспеченных» фермеров. Сроку у меня было три недели. И я была одна. Для того чтобы нанимать на работу интервьюеров, средств предусмотрено не было. Любой социолог-полевик, более-менее сведущий в вопросе, скажет, что это задание выполнить невозможно. И действительно, я не уложились в три недели и попросила еще одну неделю для завершения опроса. Еще мне было позволено проводить опрос сельскохозяйственных тружеников методом группового анкетирования для ускорения процесса. Вот и все поблажки. И задание было выполнено.

Арендный подряд

В этом исследовании было значимо все, не только заполненные анкеты, но и случайные встречи с людьми, обрывки разговоров – все шло в копилку. Так, например, на меня произвел впечатление разговор работника МТФ с главным экономистом колхоза «Восход». Колхозник, второй год работающий на арендном подряде, обратился с вопросом: «Какой у меня оклад?». Экономист с досадой отмахнулся: «Надоел ты мне, второй год твержу, что нет у тебя оклада и быть не может. На аренде ты!». То есть арендатор даже не знал, каким образом формируется его доход. Между тем разработанная система цен при арендном подходе предполагала экономию средств на производство продукции, более бережное отношение к технике, иными словами, была призвана воспитывать у человека чувство хозяина. Если арендатор не имеет никакого представления об этом, значит, механизм работает вхолостую. Мне стало интересно, как это могло произойти? Ведь прежде, чем стать арендатором, необходимо было понять и посчитать, из чего будет складываться доход. Но сельские арендаторы имели об этом самое смутное представление. А свинарка колхоза «Красное знамя» просто пожаловалась, что начальство «объявило у них аренду» (так и сказала!) напрасно: «Раньше зарплата от привеса была, и каждый за себя старался, а теперь все на всех делится, и кто там больше работает, а кто меньше – неизвестно». Постепенно становилось понятно, что арендный подряд терпит провал. И дело было вовсе не в том, что система учета трудового вклада каждого человека в коллективе несовершенна, и не в том, что колхозное начальство «объявляет аренду», оставляя блуждать людей в потемках неинформированности. «Широко внедрим арендный подряд...» – в этом лозунге как в зародыше уже скрывались те элементы, которые на практике принимали парадоксальную, саднящую душу форму. Арендный подряд в теоретических раскладках подразумевал свободу выбора: быть арендатором или не быть. Подразумевал самостоятельность и ответственность арендаторов в принятии решений. Но инерция жизни по лозунгам выхолащивала смысл и суть любого дела. Арендный подряд «широко внедрялся», и рапорты успешно шли «наверх». А когда свобода выбора все-таки отчасти появлялась, то возжеленные «бережливость и экономия» в колхозниках действительно просыпались, но принимали уродливые, парадоксальные формы. В колхозе «Тихий Дон» секретарь парткома Колесников Иван Тихонович рассказывал о работе одной из молочных ферм, где раньше доярки носили молоко в ведрах, что для них было и тяжело, и не соответствовало санитарным требованиям. Потом колхоз приобрел молокопровод, где молоко проходит еще и стадию охлаждения, что существенно повышало его качество. Когда этому коллективу предложили арендный подряд, он от него решительно отка-

зался. Дело в том, что молокопровод стоит очень дорого, и простейшие расчеты показали, что плата за амортизацию пожирает весь доход арендного коллектива. И при переходе на арендный подряд коров выгоднее всего оказалось доить... руками. Экономия средств была налицо, но вряд ли авторы идеи арендного подряда стремились к такому результату. В том же колхозе одна семья, перешедшая на аренду, совсем отказалась от техники, чтобы избежать этой части арендной платы, и взяла вместо трактора... лошадь. И муж, и жена работали от зари до зари без выходных, и, соответственно, доход у них был высоким. Но колхозник жаловался, что чувствует себя роботом, механизмом для тяжелой физической работы: «На сколько меня еще хватит?» – с горечью спрашивал он...

И такая ситуация была характерна не только для Воронежской области, но и для всей страны. Одна агитационная брошюра, которая именовалась «Возвращение хозяина», рассказывала о событиях, происходящих в знаменитом колхозе имени Маншук Мамедовой. Бригадир арендного коллектива Лазебный Николай Евдокимович делился опытом: «Да у нас, когда надо колесо на «Кировце» сменить – а оно стоит, ни много ни мало, 700 рублей, – люди все свалки обыщут, все дороги обшарят, где может валяться старое колесо, сделают его, не жалея времени, а нового не возьмут: никто не забывает, что тратим-то мы свое и экономим тоже для себя». Этот факт преподносился автором брошюры как несомненное преимущество арендного подряда. Но в этом достоинстве невооруженным взглядом усматривался какой-то изъян. Главный экономист колхоза им. Шевченко Новоодесского района Л. Середа также сообщил, что «одно из звеньев отказалось от услуг кормоперерабатывающей линии «Корк-15», сказали, что сами будут готовить корм» («Южная правда», февраль, 1988 г.). Что-то не походи были советские арендаторы на американских фермеров, не спешили они применять новейшую технику, бежали от нее... Камнем преткновения являлась отчужденность колхозников от средств производства. А передать им их в собственность не позволяла коммунистическая идеология. Как-то не удавалось «чувство хозяина» прививать лозунгами, оно «уходило в песок» вместе с арендной платой... Арендатор выплачивал арендную плату арендодателю, т. е. государству – истинному хозяину и владельцу земли и производственных фондов. Термин «государство» абстрактен, но деньги конкретны. Солидный процент от арендной платы шел на содержание администрации колхоза. Поэтому при самопроизвольном уменьшении числа непосредственных производителей в арендных коллективах, численность состава администрации не снижалась. Но не только деньги получали представители «хозяина», за ними оставалось право принятия решений. Бригадир механизаторов, работающий на коллективном подряде в колхозе «Великий Октябрь», жаловался мне: «Колхоз лишает нас самостоятельности, распоряжается нашим временем по своему усмотрению. На настоящую аренду мы бы пошли, а вот нам арендный подряд предлагали, не пойдем. Все равно не дадут работать так, как хотим». И поинтересовался: «А имеют ли право наследия на землю потомки тех крестьян, которые «добровольно» вступали в колхоз во времена всеобщей коллективизации?». Если бы было оно, это право, он бы взял себе несколько гектаров земли и стал бы обрабатывать, но только так, чтобы уж никто к нему не лез с указаниями. А при арендном подряде указаний было не избежать. И дело было даже не в личных чертах характера руководителей и привычке командовать, это было закреплено на бумаге. Например, в договоре между колхозом «Красное знамя» и арендным звеном под началом бригадира М. К. Болохонова я обнаружила пункт № 7, который гласил: «Заказчик имеет право без согласия подрядчика отвлекать людей и технику для выполнения работ в других подразделениях». Не только технику, но и людей! Без всякого согласия! Сложно почувствовать себя хозяином трактора, когда сам себе не хозяин. В чем же лице персонифицировался тогда истинный хозяин? В руководстве колхоза? Вовсе нет. Оно, скорее, было «мальчиком для битья», которому постоянно диктовали сверху структуру, технологию, масштабы производства. Поэтому председатель колхоза оказывался такой фигурой, в которую камни долетали с обеих сторон.

Не случайно проведенное в 1986 году социологическое исследование управленческих кадров АПК показало резко заниженную установку руководителей и специалистов сельского хозяйства на должностное продвижение⁸. Исследование Р. В. Рывкиной выявило причины этого: мелочная опека, проработки, необоснованные снятия и переводы, неадекватность в оценке их труда, мнений. И как следствие этого: нежелание брать на себя ответственность при отсутствии прав. Поскольку экономический механизм арендного подряда не сложился на основе рыночных законов, а изначально был извращен соображениями идеологического порядка, то подобные парадоксы в работе этого механизма были неизбежны. Продолжал действовать принятый еще со сталинских времен неравноправный подход к ценообразованию промышленных и сельскохозяйственных товаров. Главный экономист колхоза «Восход» рассказал, что хозяйство покупает молоко у работников МТФ по 52 копейки за килограмм, а потом продает государству по 30 копеек. Таким образом, колхоз остается еще и внакладе. Поэтому ему, конечно, требуются дотации. Мне было искренне жалко труда экономистов, написавших так много умных статей и книг, которые я с уважением листала в библиотеках перед поездкой. Они дотошно высчитывали расчетные цены в многочисленных методических указаниях по внедрению арендного подряда, и их логика была безупречна, в их выкладках не было ошибок, но это ничего не меняло. Так, если первая пуговица застегнута неправильно, даже если больше ошибок не будет, все равно в конце окажется перекосяк, и пиджак будет сидеть криво.

Зачем это я? И о чем это я? Вот уже более тридцати лет прошло после крушения Советского Союза, но ностальгия в обществе не утихла. Часть населения, по-прежнему сожалеет о советском обществе, вспоминая его преимущества. Нужно напомнить, как это было, чтобы не наступать вновь на те же грабли. Кроме того, строй в России изменился, но менталитет – нет. И когда я слышу сегодня сетования о том, что демократия (наш сегодняшний новый лозунг) не настоящая, мне сразу вспоминаются колхозники с их мечтаниями о «настоящем» арендном подряде. Такая ловушка ума – все, что не нравится, признавать «не настоящим» и лелеять мечты об утопии, жертвуя этому молоху человеческие жизни.

Нет причин, кроме смерти...

Подвиг написания отчета по проведенному исследованию Сергей Романович Хайкин взял тогда на себя. Это поистине был подвиг, потому что он тяжело заболел гриппом и только жаловался, что от высокой температуры «трещит» голова и мешает думать над отчетом. Тогда у меня сложилась еще одна установка: у социолога нет причин, кроме смерти, нарушить сроки исследования. Как писать отчет? Мы не знали... Взяли на вооружение «Рабочую книгу социолога», но там только в общих чертах... Тогда Сергей Романович избрал описательный тип отчета, сожалея, что нет больших открытий, а все больше лезет в строку «ползучий эмпиризм»...

После отчета он потормошил нас, чтобы мы сами искали заказчика на дальнейшие исследования. Помню, мы дали в газете объявление, что проводим социологические исследования в городе Воронеже. Текст объявления у меня сохранился: «Финансируйте социологические исследования на интересующую вас тему! Средства, выделенные на изучение общественного мнения, окупятся сторицей. Провести опрос, обработать информацию, дать свое заключение и рекомендации берутся профессиональные социологи из социологического отдела НИЦентра «Росагропром»».

Первым, кто откликнулся, было руководство Воронежской базы сжиженного газа, обеспечивающее высокой текучестью кадров на предприятии. Мы, с коллегой (выпускником исторического факультета ВГУ), сделав важные лица, поехали к ним на предприятие рассказы-

⁸ См: Рывкина Р. В. Управленческие кадры АПК. // Социологические исследования. 1988. № 6.

вать о том, какие бывают социологические исследования (предварительно полистав книжки), и договариваться о цене. Отдельные цитаты из книги Ф. Э. Шереги «Как провести социологическое исследование», которыми мы пытались впечатлить директора базы сжиженного газа, произвели должное действие, и мы получили первый в нашей жизни заказ, который полностью выполнили самостоятельно (от постановки проблемы, выдвижения гипотез, задач, составления анкеты, самого опроса, обработки данных и написания отчета). Там было всего три цеха и работали где-то около 300 человек, поэтому мы выбрали метод сплошного опроса. Опрос проводили втроем (к концу 1989 года в социологическом отделе Хайкина при «Росагропроме» уже числились, кроме руководителя, еще три социолога). Поэтому как провести исследование – соображали на троих. С. Р. Хайкин на время устранился от него. Нам самим и руководству базы сжиженного газа понравилось наше исследование, и директор нас долго и искренне благодарил, удивляясь неожиданным результатам. Но Сергей Романович, полистав наш отчет, остался недоволен, какое-то время раздумывал – ставить ли под ним свою подпись.

Так, постепенно, мы набирались опыта.

1.2. Введение в специальность

Василий Токарев,

«Южный исследовательский центр» / ЦСМИ «Аналитик» (Волгоград)

«Введение в специальность» – так называлась дисциплина, которую нам читали на первом курсе в институте. Целью предмета было – дать нам представление о том, чем именно нам предстоит заниматься в этой жизни. Вывести нас, так сказать, на оперативный простор, указать ориентиры и дать «волшебный пинок» – в какую сторону нам теперь развиваться...

Вообще-то то первому образованию я инженер-механик. Окончил Волгоградский политехнический институт по специальности «технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты». А работаю вон где. Совсем не в инженерной сфере (социолог я только по четвертому образованию).

И вот как это дело получилось...

И тогда – вода нам как земля!

Родители у меня инженеры – оба. Всю жизнь (мою, в смысле) они проработали на ПО «Баррикады», которое когда-то выпускало буровые установки, а теперь – сами знаете чего выпускает. Так что большого выбора – куда подавать документы – у меня не было. Тем более что в те годы невозможно было подать документы сразу в 18 мест, и нужно было выбирать институт, куда ты мог поступить с высокой степенью вероятности. Вот я и решил, что лучше политех в руках, чем МГУ в небе, и подал документы. На тот же факультет, на ту же специальность, что 30-ю годами раньше заканчивал отец. Он, кстати, стал первым из своего колхоза и своего поселка, кто получил высшее образование.

Аттестат у меня был пятерочный, но медаль не дали. Поведением не вышел. В те годы медалистов брали в вуз без экзаменов, а те, кто с пятерочным аттестатом, сдавали два экзамена вместо четырех.

Сдал я два экзамена, получил две пятерки и пошел гулять, довольный.

Прихожу домой, а дома меня ждет повестка. Вызывают в военкомат. 18 лет мне только через полгода, так что с легким сердцем отправляюсь я на встречу с майором Кудряшовым, который занимается призывниками.

– Пришел? – говорит майор Кудряшов. – Молодец! Вот тебе направление, посылаем мы тебя в Морскую школу⁹. Будешь учиться на моториста и водолаза. Будешь готовиться к службе на флоте.

– Как в Морскую школу?! В какую Морскую школу? Я ж студент!

– Студент?! Точно студент?! Нет проблем, неси справку из деканата, что ты студент, – немедленно от тебя отстанем.

Прихожу в деканат.

– Дайте мне справку для военкомата, что я студент, пожалуйста...

– А ты кто? Токарев, Токарев... Нет у нас такого студента!

– Как нет? Вот он я, я два экзамена на пятерки сдал, я студент!

– А, так ты только экзамены сдал! Так приказ о зачислении в сентябре! Вот выйдет приказ, приходи в сентябре, мы тебе справку дадим. А пока – иди, гуляй...

Майор Кудряшов обрадовался.

– Нет справки? Ну, тогда вот, держи направление в Морскую школу! Учись, студент!

И я пошел учиться. Судовые двигатели 2Дб и V12, легководолазное дело, борьба за живучесть корабля, много всего всякого-разного. Сентябрь уж наступил, уж роща отряхает последние листья, а я все учусь...

Приходит домой письмо. Вызов в деканат. Прихожу.

– Ты чего же это, друг, на занятия не ходишь? Уж все учатся давно, а ты где бегаешь?

– Здравствуйте, новое дело! Вы же мне справку в июле не дали? Вот меня и отправили от военкомата в Морскую школу!

– В Морскую школу, да? Учишься, да? Ну, что же, неси справку из военкомата...

Военкомат капризничать не стал, и справку быстренько выдал. И доучился я в Морской школе до самого победного конца – до 23 ноября 1984 года. То есть первый семестр в вузе прошел практически полностью без меня.

Получил я выпускные документы, пришел домой и говорю родителям:

– Родители, а, родители? А зачем мне институт? Вот, смотрите, у меня в руках две рабочие специальности. Я – моторист – дизелист! И вот еще: водолаз – это тоже я! На кусок хлеба я себе всегда этими умениями заработаю! Не пойду я, наверное, в институт, не нужен он мне!

⁹ Она, как оказалось, и сейчас существует, Волгоградская морская школа ДОСААФ России (см.: <https://vodolaz34.ru/>).

И не пошел...

От сессии до сессии

Проходит несколько дней, ко мне в гости забегает Колька Маркелов, с которым мы вместе с детского сада, и в школе вместе, и в институт вместе поступали, и поступили. Он в параллельной группе оказался.

И говорит мне Колька: «Ты чего это в институт не приходишь? Там твоя стипендия за два месяца лежит! Ты хоть старосте позвони, договорись, как деньги заберешь!»

Позвонил я старосте, пошел в институт за стипендией, да как-то и зацепился... Девчонки там симпатичные в группе, мужчины вполне достойные, да и так, – интересно же...

С горем пополам сдал первую сессию. Хотя, почему это – с горем пополам? Одна тройка всего. По истории КПСС (потом, на пятом курсе, пересдавать пришлось, чтобы «красный диплом» получить).

Второй (для меня – первый) семестр я проучился, в общем, спокойно, как все. Решал дифференциальные уравнения (сначала однородные, а затем и в частных производных), транспонировал матрицы, чертил гиперболоиды вращения и всякие эпюры Монжа, конспектировал работы Ленина и других достойных мыслителей. Все как у людей.

Подошла весна, и моих товарищей по Морской школе потихоньку стали призывать. То одного, то другого. И как-то всех и позабирали... А меня не трогают. Странно.

Пошел я снова в военкомат к майору Кудряшову.

– Что, – говорю, – за дела? Почему всех забрали, а меня не трогают?

– Так ты же студент! – отвечает мне майор Кудряшов. – Тебе отсрочка положена, до самого конца экзаменов, до июля. Вот как сдашь ты все экзамены, тогда мы тебя и заберем! А пока – права не имеем!

– А куда же вы меня заберете в июле, товарищ майор? – говорю я.

– А в стройбат мы тебя заберем, – отвечает майор, – сейчас мы во флот набираем, потом будем десантников набирать, потом танкистов – (ну, может, и наоборот), – а в июле – только стройбат! Так что готовься!

А мне чего-то так не хотелось в стройбат! Сильно не хотелось, честно. Не для стройбата мама ягодку растила (думал я себе так... Почему-то...).

Уговорил я, в общем, майора Кудряшова. И 10 мая ушел во флот, успев сдать только зачеты. А экзамены за первый курс в полном объеме сдавал уже через три года. Но это совсем другая история.

Петров и Васечкин районного масштаба

Помните фильм «Каникулы Петрова и Васечкина», где в пионерском возрасте снимался нынешний лысый хореограф Егор Дружинин? (Пусть не обижается Егор, я и сам лысый, – это не обидно.)

Так вот этот фильм снят не только про Петрова и Васечкина, но и про нас с моим старинным другом Олегом М. Мы познакомились примерно в том же возрасте, в котором находятся герои фильма (лет 14), и тоже в летнем лагере. По возвращении домой оказалось, что мы живем в соседних домах. Ну, и завертелось...

До призыва на службу мы были практически неразлучны, хотя учились в разных школах. Читали одни и те же книжки, играли в одни и те же игры, за одной и той же барышней ухаживали. В нашей парочке Олег, безусловно, был Васечкиным (озорным, талантливым, динамичным, хулиганистым, бесстрашным и прекрасным), а я – Петровым (начитанным ботани-

ком-интровертом; немножко умным, но довольно нудным; и, безусловно, «ведомым» во всех затеях).

В старших классах по каким-то (уже не помню, по каким) причинам мы оказались в театральной студии. Даже нет, не «студии», а в «народном театре» (был такой статус для особо продвинутой самодеятельности). Начинали с позиции осветителей, рабочих сцены, потом стали выходить на подмены «Кушать подано», а потом даже какие-то роли второго плана в каких-то спектаклях про комсомольцев-героев получили. А сцена, кстати, была у нас прекрасная, настоящая театральная сцена и настоящий театральный зал с оркестровой ямой, чем не каждый театр-то может похвастаться. Занимались мы в здании, которое тогда было ДК им. В. И. Ленина (богатеиший Дом культуры при металлургическом гиганте «Красный Октябрь»), а теперь вдруг оказалось театром «Царицынская опера». Кому не лень набрать в поиске по картинкам «Театр Царицынская опера», так вот те три окна на верхнем этаже справа от центральной колоннады – наши.

Меня родители «вытащили» из театра в десятом классе, когда пришла пора готовиться к экзаменам (а богемная театральная жизнь этому сильно мешала, прямо очень сильно), а Олег так и дозанимался до самого выпускного. И до такой степени увлекся «этим делом» (думаю, что не театром, а именно «этим делом» в комплексе), что поехал поступать в Москву – в Щепкинское, Щукинское и Школу-студию при МХАТ. Разумеется, не поступил. Вернулся в Волгоград, год отработал на заводе электриком и ушел служить одновременно со мной. Но на два года (это важно). Служил он, кстати, неподалеку, в КапЯре / Знаменске (хотя вот это уже, как раз, не важно).

Что за комиссия, Создатель!

При чем здесь социология, спросите вы? «Это присказка, не сказка, сказка будет впереди», – отвечу я вам.

В общем, так или иначе, попал я служить на дважды Краснознаменный Балтийский флот, Латвия, город Лиепая, 16-я дивизия ракетных подводных лодок. Девять (могу ошибаться, больше 30 лет прошло) старых дизельных лодок и один новый надводный корабль. ПМ-30. Плавающая мастерская. Построенный в Польше три года назад прекрасный корабль, объединяющий в себе две функции: с одной стороны, это очень комфортабельный плавучий отель для офицеров штаба; с другой стороны, под палубой этого корабля расположен целый завод, способный обслуживать, ремонтировать, восстанавливать работоспособность и боеспособность всего остального подводного железа. Корпусной, электрический, механический цеха, станки, прессы, сварочные агрегаты, гидролизные ванны. Полный набор.

Идет дивизия на учения. Идут в море лодки. Идет в море наш корабль. В каютах на верхних палубах – командиры-адмиралы, организуют все это дело и наблюдают за происходящим из-под козырьков с дубовыми листьями (нет, они не лесники). Внизу, под палубой, – мотористы («маслопупы»), трюмные машинисты («мазута»), много кого еще, и я – старший дозиметрист радиационной и химической разведки («химоза»).

Так или иначе, прошло два года. И вот весной, в конце второго года моей службы, на корабле появляется группа странных, непривычных людей. В костюмах, с галстуками. Давно таких не видел. Два года примерно. Нас собирают в Ленинской комнате, и гости нам говорят:

– Дорогие друзья! Мы – выездная приемная комиссия Московского государственного университета. На философском факультете МГУ создается новое отделение – отделение социологии. Так как мало кто знает, что это за зверь такой – социология, да и народец на философском факультете, в целом, слабоват, – одни барышни, мы решили разбавить это благолепие свежей матросской кровью. Мы понимаем, что вы тут давно книжек не читали, все это мы учтем. В общем, у нас есть полномочия провести сейчас с вами собеседование, а вот когда вы

уволитесь через месяцдругой, – вы приедете в Москву и по результатам этого собеседования будете зачислены на социологическое отделение философского факультета МГУ. Соглашайтесь, ребята! Ну, совсем никак без вас советской социологии!

Насчет книжек, кстати, – это неправда. Читали мы тогда, как и вся страна, захлеб. На нашу каюту (14 человек), впрочем, как и почти на любую другую, мы выписывали журналы «Огонек», «Нева», «Москва», «Новый мир», «Звезда» и что-то еще. А я лично, как особо выпендривистый, еще выписывал журнал «Театр». Именно на службе я впервые прочел «Самшитовый лес» М. Анчарова. Позже эту книжку у меня выменял на «Мастера и Маргариту» полковник медслужбы, писавший прекрасные стихи и делавший чудесные модели конных воинов. Он шел с нами на учения, а мне приказали делать приборку в его каюте. А модели он делал, потому что был увлечен изучением истории военного костюма. Красота невероятная!

Ну вот, и на нашем корабле в Ленинской комнате устроили эту выездную приемную комиссию (на лодках, очевидно, невозможно ее организовать в принципе, а в казарме, где живут экипажи лодок, видимо, неудобно). И потянулся народ – и наши, и с лодок. Уж не знаю, у кого там какие результаты получились по итогам собеседования. Не узнавал я, потому что расстроился. Подошел я к этой комиссии и говорю:

– Дорогие товарищи! А вот мне еще год служить осталось! А можно я с вами сейчас побеседуюсь, еще годик послужу, а потом уволюсь, и к вам в МГУ приеду?

– Нельзя, – отвечают дорогие товарищи, – не в нашей это власти!

– Ладно, понимаю, – говорю я, – но вы же к нам на следующий год снова весной приедете?

– Это сильно вряд ли, – говорят товарищи, – не думаем...

И, вы знаете, не обманули! Действительно – на следующий год не приехали!

Ну, что же делать? Я собрал все бумажки, которые были у этой комиссии при себе (программы, вопросы к собеседованию / экзамену, какие-то буклеты, методички), сформировал посылку и отправил ее Олегу в Капустин Яр.

И Олег, уволившись из армии через месяц, проштудировал эти программы-методички, поехал в Москву и поступил в МГУ. На философский факультет. На социологическое отделение.

А я отслужил еще год, уволился и вернулся в политех к своему сопромату, теории механизмов и машин и режущему инструменту.

И даже сессию после возвращения сдал неплохо. Что совсем уж ни на что не похоже...

Учиться, учиться и еще раз учиться!

И вот на протяжении последующих четырех лет наши встречи с Олегом выглядели примерно так. Пару раз в год (как правило, на каникулах) Олег появлялся в Волгограде с очередной (иногда – внеочередной) компанией друзей и поклонниц (как правило, тоже студентов университета), мой график летел к чертям (хотя какой у меня тогда был график?), и в веселом беззаботном трепе я выхватывал какие-то интересные мне темы. Тост «За Бэконов – Роджера и Френсиса!» (надо почитать), спор о системе наук по Конту (а кто такой Конт?), обсуждение оснований стратификации по Сорокину (а что такое стратификация?).

В общем, Олег уезжал, а я шел в библиотеку. За Бэконами (обоими), Контом (не так-то это было просто) и Сорокиным (тем более). Но что – то все же находилось. Уж Платон-то с Аристотелем всегда были доступны.

А потом произошло еще два события. Называю их по порядку, а не по значению.

Во-первых, на излете советской власти, когда деньги у партии еще были, а силы уже кончались, в волгоградских газетах появилось объявление. Примерно такое: «Объявляется набор слушателей в открытую философскую школу. Принимаются все желающие».

Я был желающий и пошел. И на протяжении трех, наверное, лет (ну да, с 1989 по 1991 примерно) дважды в неделю десятка три странных людей собирались в Доме политического просвещения, и (как потом оказалось) лучшие преподаватели философии Волгограда читали им лекции. Эльвира Григорьевна Баландина и Николай Васильевич Омельченко. Безо всякой цензуры и партийного влияния. Моими конспектами тех лет жена до сих пор пользуется. А еще, кроме философии, были психология и латынь. Поговаривали о греческом, но тут и партия кончилась, и философская школа тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.